

Н. М. Гринникова

аспирант кафедры общей психологии и психологии развития личности
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
кафедра общей психологии и психологии развития личности

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА» В ПСИХОЛОГИИ

В статье рассматривается понятие «временная перспектива» с позиции зарубежных и отечественных ученых. Анализу подвергнуты существующие интерпретации временной перспективы и представлены различия в смысловом наполнении этого понятия.

Ключевые слова: временная перспектива, образ потребного будущего, антиципация.

Проблема взаимоотношений личности со своим жизненным временем обладает особым статусом, представляя одну из центральных тем философской мысли как в древности, так и в современном мире. В психологии, время, рассматриваемое как протяженность человеческого существования, приобретает очертания более конкретного предмета для теоретических и экспериментальных исследований.

Понятие «временной перспективы» стало применяться после публикации L. K. Frank [8] в 1939 году при описании «жизненного пространства» человека, включающего прошлое, настоящее и будущее. С тех пор понятие «временной перспективы» получило различные интерпретации и до сих пор является неоднозначным. Ряд авторов включает в него все временные зоны человека — прошлое, настоящее и будущее, другие делают акцент только на будущем. Ф. Зимбардо указывает на то, что большая часть исследований сосредотачивает свое внимание на изучении отдельных временных перспектив, чаще всего перспективы настоящего и будущего.

Важность временной перспективы для человеческого поведения осознал К. Левин. Временную перспективу он интерпретировал с точки зрения «событийной концепции психологического времени». По мнению, К. Левина различная временная перспектива личности, возникает потому, что время разного масштаба задано личности определенными границами психологического поля в данный момент. Человек видит не только свое настоящее, но имеет и определенные ожидания, т. е. надежды, страхи, мечты о будущем. Вместе с тем временная перспектива включает в себя и психологическое прошлое человека. Именно потому она крайне важна для определения уровня притязаний, настроения, творчества, проявления инициатив личностью. К. Левин в «Теории психологического поля» отмечал, что психологическое прошлое, настоящее и будущее являются частями психологического поля в настоящем, и что временная перспектива — это и есть включение будущего и прошлого, реального и идеального плана

жизни в план данного момента. Все части поля, несмотря на их хронологическую разновременность, субъективно переживаются как одновременные и в равной мере определяют поведение человека. Но в теоретическом отношении этот подход имеет существенное ограничение. Психологическое время у К. Левина отождествляется с феноменальным полем сознания, и одновременно присутствующие в нем прошлое, настоящее и будущее теряют свою качественную определенность, растворяясь в «психологическом поле в данный момент».

К. Левин первый среди психологов построил пространственно — временную модель, в которой сознание и поведение индивида рассматривались сквозь призму долговременной перспективы и разносторонних характеристик индивидуального жизненного пространства. При этом во времени он выделял зоны настоящего, ближайшего и отдаленного прошлого и будущего, а в пространстве — уровни реального и ирреального (основанного на фантазиях). В процессе онтогенеза происходит расчленение ближайших и отдаленных зон прошлого и будущего, реальных и желаемых, но возможных лишь в фантазии событий прошлого и будущего.

Идеи К. Левина оказали существенное влияние на последующее развитие исследований психологического времени личности. Близкое временной перспективе понятие «временной кругозор» ввел П. Фресс, рассматривая его как интегративную характеристику развития временных представлений личности, формирующихся в процессе социальной деятельности, которая может быть ориентирована больше на прошлое, настоящее или будущее в зависимости культуральных и социальных условий. При исследовании доминирующих временных ориентаций было обнаружено, что ориентация на настоящее отнюдь не подразумевает озабоченность человека только текущим моментом, а, скорее, определяет его заботу о своем прошлом и будущем в равной мере [7].

Ж. Нюттен полагал, что термин «временная перспектива» может быть связан с тремя различными аспектами психологического времени: собственно временной перспективой, временной установкой и временной ориентацией. Согласно Ж. Нюттену временная установка — это позитивная и негативная настроенность субъекта по отношению к своему прошлому, настоящему и будущему. Временная ориентация — это доминирующая направленность поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего. Временная перспектива — это динамическое базовое свойство человеческого существования; это своего рода структурный стержень мотивационной сферы личности, на который, образуя систему саморегуляции, как бы, нанизаны мотивы, смыслы, ценности личности, она обладает такими свойствами как протяженность, глубина, насыщенность, реалистичность и структурированность [5,355] и является существенным компонентом поведенческого мира и поведения человека. Поскольку способность конструировать долгосрочные личные цели и работать в направлении их осуществления является важной характеристикой человека. Она ведет к реализации больших проектов, требующих осуществления длительных инструментальных действий, где с самого начала есть необходимость в

регулирующем влиянии цели [5,351]. Согласно Ж. Нюттену, временная перспектива образована объектами или событиями, существующими на репрезентационном (когнитивном) уровне поведенческого функционирования, а объекты когнитивной репрезентации не привязаны к настоящему моменту, в котором осуществляется этот акт репрезентации. Поэтому объект, актуально представленный в психологической активности субъекта, может иметь темпоральную локализацию, как в будущем, так и в прошлом. В рамках понятия о временной перспективе прошлые и будущие события влияют на осуществляемое в настоящем поведение в той степени, в какой они актуально представлены на когнитивном уровне поведенческого функционирования. Важным аспектом теории исследования временной перспективы Ж. Нютена является трансформация потребностей в планы и цели. Побуждения обретают временную перспективу, которая характеризуется как ментальное пространство, в нем строится когнитивно переработанная мотивация деятельности.

К. Леннингс в свою очередь полагал, что временная перспектива это когнитивная операция, которая включает в себя как эмоциональную реакцию на воображаемые временные зоны (такие как настоящее, пошедшее и будущее), так и предпочтение располагать действие в какой-либо темпоральной зоне.

Ф. Зимбардо и Дж.Бойд полагают, что хотя временная перспектива может зависеть от ситуационных сил, она может также становится относительно стабильной диспозиционной характеристикой. Они рассматривают пять основных измерений временной перспективы: позитивное прошлое, негативное прошлое, будущее, фаталистическое и гедонистическое настоящее. Фактор «позитивное прошлое» отражает сентиментальное, ностальгическое, теплое и радужное отношение к своему прошлому и характеризуется позитивной реконструкцией прошлого. Негативная установка к прошлому чаще всего является результатом реальных травматических и неприятных событий, или негативной реконструкции событий прошлого, предполагает боль и сожаление. Гедонистическое настоящее отражает ориентацию на получение удовольствия, возбуждения в настоящем, отсутствие заботы о последствиях и будущих выгодах, наградах. Фаталистическое настоящее отражает беспомощность и безнадежность, твердое убеждение, что будущее определено, а настоящее должно переноситься с покорностью. Ориентация на будущее определяет стремление к целям и вознаграждениям будущего, характеризуется планированием.

В настоящее время существует множество различных определений к понятию временной перспективы, а также родственных понятий. Например, «антиципация» (В. Вундт, Б. Ф. Ломов, Е. А. Сергиенко, Е. Н. Сурков), «опережающее отражение» (П. К. Анохин), «целестремительность» (П. Я. Гальперин), «целенаправленность» (В. К. Вилюнас), «образ потребного будущего», способность «моделировать будущее» (Н. А. Бернштейн), «вероятностное прогнозирование» (И. М. Фейгенберг) и т. д. Однако каждое из этих понятий раскрывает, только одну из сторон представлений о будущем.

В отечественной психологии временную перспективу традиционно рассматривают в рамках «жизненного пути». С. Л. Рубинштейн выдвинул идею о «жизненном пути» и охарактеризовал его с одной стороны как некое целое, с другой — как некоторое количество определенных этапов, каждый из которых может стать поворотным, то есть радикально изменить ее жизненный путь [19,641]. По мнению С. Л. Рубинштейна, жизненный путь личности структурирован на элементарные единицы — события — «узловые моменты и поворотные этапы». Одна из важнейших проблем обозначенных С. Л. Рубинштейном является проблема субъективной картины жизненного пути, понимаемая как субъективный образ, отражающий пространственно-временные параметры человеческой жизни и регулирующей активность личности как субъекта жизни.

Б. Г. Ананьев, занимаясь проблемой жизненного пути личности, ввел понятие «субъективной картины жизненного пути», которое было им детально проработано и расширено. В своей последней работе «Человек и мир» он рассматривает жизнь как способ бытия человека в философском смысле, тем самым расширяя понятие жизненного пути личности и переводя его в плоскость проблемы личной жизни. К. А. Абульханова-Славская, развивая эти идеи в своих исследованиях, разработала один из современных подходов к пониманию жизненного пути личности — концепцию личностной организации времени и времени жизни, в которой рассматривала временную перспективу как «жизненный путь личности». Согласно К. А. Абульхановой-Славской, психологическое время (жизненный путь личности) — это реальное время психических процессов состояний и свойств личности в котором они функционируют и развиваются на основе отраженных в непосредственном переживании и концептуальном осмыслении объективных временных отношений между событиями жизни различного масштаба. При этом биографический масштаб психологического времени соответствует временным отношениям между основными событиями жизненного пути личности.

Еще одним направлением в психологии жизненного пути личности является причинно-целевая концепция Е. И. Головахи и А. А. Кронника. В своих исследованиях авторы концепции использовали достоинства всех предшествующих взглядов и подходов. В соответствии с этим сущность причинно-целевой концепции раскрывается посредством анализа соотношения причинности и времени в современной науке, а основные понятия вводятся и обосновываются в ходе решения одного из наиболее интересных и актуальных вопросов — специфики и взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего личности [2]. Так А. А. Кроник и Е. И. Головаха рассматривая родственное понятие временной перспективы — время личности, в результате возникло понятие — жизненная перспектива. Р. А. Ахмеров — изучал жизненные программы, Г. М. Андреева — образ времени, М. Х. Титма — жизненную ориентацию, Л. В. Сохань — жизненную программу, В. Г. Немировский — образ потребного будущего. Каждое из этих понятий раскрывает только одну из сторон системы представлений о будущем. Например, М. Х. Титма связывает жизненную ориентацию главным образом с иерархией форм жизнедеятельности, представленной в сознании человека.

Жизненная программа, по определению данному Л. В. Сохань, представляет идеальный образ основных целей и результатов жизнедеятельности личности. Как совокупность целей жизнедеятельности личности рассматривает образ потребного будущего В. Г. Немировский. Эти понятия выполняют существенную методологическую функцию, позволяя интегративно описывать совокупность ценностных ориентаций или жизненных целей, для целостной характеристики путей и средств, реализации которых используется понятие «жизненный план».

В 80-е годы 20 века Н. Н. Толстых, А. М. Прихожан, И. В. Дубровина провели исследования, которые показали особенности формирования личности, мировоззрения и временной перспективы.

Л. И. Божович, И. С. Кон, В. А. Крутецкий отмечают, что основным новообразованием в старшем школьном возрасте становятся жизненное и профессиональное самоопределение, осознание своего места в будущем, то есть рождение жизненной перспективы: представление о своем желаемом «Я», о том, чтобы хотелось совершить в жизни. И планы-намерения в отношении будущего подчиняют все другие потребности, стремление человека при условии высокой степени развития личности, подготовленной всеми этапами онтогенеза.

И. С. Кон замечает, что способность трудиться ради будущего, не ожидая немедленной награды один из главных показателей морально-психологической зрелости человека. Таким образом, мы можем говорить о важности существования развитой (сформированной) временной перспективы как условия формирования зрелой личности.

Временную перспективу связывают с мотивацией человека. Например, Т. Джесм соотносит временную ориентацию с теорией мотивации достижения. Он получил эмпирические доказательства того что студенты, которые были ориентированы на достижение имели более выраженную перспективу будущего по сравнению со студентами ориентированными на избегание. Это подтверждается и исследованиями К. В. Карпинского, его исследования неоднократно обнаруживали что, у делинквентных юношей, будущая временная перспектива всегда укорочена и конкретна, доминирующими интересами являются интимно-дружеские отношения, отдых, обладание какими-либо материальными ценностями. Тогда как не делинквентные осмысливают свою жизнь на значительный период, их временная перспектива отличается содержательностью и реалистичностью. У них в построении временной перспективы проявляются стремления к самореализации и саморазвитию. Таким образом, К. В. Карпинский предположил, что отличия в уровне сформированности временной перспективы определяются характером и направленностью актуального социального окружения, реальной или виртуальной включенностью человека в значимые социальные контакты, а также теми возможностями, которые доступны или предлагаются социальным окружением для развития и расширения круга интересов, потребностей и стремлений.

Факт возникновения мотивов-целей связанных с отдаленной ориентацией свидетельствует о переходе на более высокий уровень развития личнос-

ти, с более сложной организацией ее мотивационной сферы, самосознания и т. д. Однако зрелую личность должна характеризовать не просто устремленность в будущее, а некоторое оптимальное соотношение направленности в будущее и принятие удовлетворенности настоящим. Исследование, проведенное К. Муздыбаевым, показало, что у большей части респондентов временная перспектива сильно сокращена или не определена; значительное количество опрошенных испытывают временную дезориентацию (преимущественная ориентация на прошлое и неопределенность временной ориентации); настоящее время оценивается как исключительно негативный процесс, а прошлое — как позитивный и выявило что у значительной части опрошенных (60.3 %) временная перспектива либо сильно укорочена до 1–2 месяца (33.7 %), либо она не может быть определена (26.6 %). Еще 16.8 % респондентов сообщили, что могут уверенно планировать свое будущее лишь на полгода. Более или менее продолжительна временная перспектива у 22.9 % опрошенных (в т. ч. 12.3 % на год и 10.6 % на 2 года и более), т. е. в зависимости от социальной группы.

Временная перспектива весьма сильно укорочена у рабочих (45.5 %) и у служащих государственного и частного секторов экономики (соответственно 38.6 % и 38.1 %). Наиболее продолжительным временной горизонт оказался у студентов и руководителей. Соответственно 40.0 % и 34.0 % опрошенных из этих групп могут планировать свое будущее на год и более.

Показательно, что число людей с непродолжительной временной перспективой больше в возрастной группе от 30 до 50 лет (37.3 %), а не в группе 50 лет и старше (33.0 %). Вероятно, вся тяжесть кризисного времени падает на плечи тех, кто в среднем, зрелом возрасте в полной мере выполняет разнообразные семейные и профессиональные обязанности. Так или иначе, укороченная временная перспектива у тех, кому от 30 до 50 лет, является признаком их тревоги за непредсказуемое будущее. Однако наибольшую длину временная перспектива достигает у молодежи до 30 лет, а наименьшую — у людей старше 50 лет.

Эти исследования отчасти согласуются с более ранними исследованиями проведенными А. Лебланком. Так, А. Лебланк сравнивал временную перспективу пяти возрастных групп. Оказалось, что дети 10–12 лет не заглядывают далеко в будущее, у них самая короткая временная перспектива. Юноши 14–17 лет уже существенно ее удлиняют, но рекордной дальности достигает временной горизонт в возрасте 18–24 лет у студентов колледжа. Хотя считается, что пожилые люди живут настоящим и прошлым, в эксперименте А. Лебланка испытуемые в возрасте 65–90 лет сохраняли довольно продолжительную перспективу. Правда, одна возрастная группа нарушила эту тенденцию: бизнесмены 35–64 лет имели укороченный временной горизонт. Возможно, непродолжительность их временной перспективы как-то объясняется характером профессиональной деятельности, связанной с неизвестным экономическим риском.

Таким образом, исследования К. Муздыбаева подтверждают утверждения А. Лебланка, что в возрасте от 18 до 30 лет самая длительная временная перспектива, а в возрасте от 30 лет до, примерно 65 лет укороченная.

ченая. Далее А. Лебланк считает, что после 65 лет у людей временная перспектива становится более длительной, а исследования К. Муздыбаева неоднозначны, присутствует противоречие, с одной стороны автор говорит, что временная перспектива в группе старше 50 лет более длительная чем в группе от 30 до 50 лет, с другой — он так же утверждает что после 50 лет самая короткая временная перспектива.

К. Муздыбаев выявил гендерные различия и различия с уровнем дохода. Определив, что мужчины чаще пристраивают длительную временную перспективу (27.4 %), чем женщины (18.6 %) и чем выше доход респондента, тем длиннее его временная перспектива. Он так же отметил, что надежда и оптимизм свидетельствуют об открытости личности будущим возможностям, о ее доверии процессу созревания временной последовательности, тогда как безнадежность и пессимизм означают закрытость личности относительно временной последовательности и отказ от проектирования своего будущего [3]. Действительно, обнаружено, что среди оптимистов и среди тех, кто имеет высокие баллы по шкале диспозиционной надежды, больше людей, уверенно планирующих свое будущее на год и более. Тогда как среди пессимистов и питающих низкую надежду на будущее значительно меньше людей с длительной временной перспективой. Продолжительность временной перспективы существенно зависит и от локуса контроля личности. 41.3 % экстерналов видели свою временную перспективу лишь на 1–2 месяца, в то время как лиц с укороченной временной перспективой среди интерналов было 27.6 %. Среди интерналов свое будущее уверенно планировали на год и более 34.8 %, а среди экстерналов — 13.8 %. Те, кто еще не потерял склонность принимать на себя ответственность за события, происходящие в их жизни, те, кто пока считает, что они сами, а не внешние обстоятельства (интерналы), являются хозяевами своей судьбы и времени, сохраняют способность ставить долгосрочные цели. Респонденты же, не обладающие такой склонностью (экстерналы), имеют укороченную временную перспективу, не ставят перед собой долгосрочные цели, у них нет обязательств и ответственности, которые связывают человека с жизнью, людьми, обществом

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что становление представлений о временной перспективе проходило в отечественной и зарубежной психологии. Все многообразие родственных понятий временной перспективы не только не исключают, но и дополняют друг друга, расширяя и создавая условия для изучения того, чем человек живет в настоящем, что сделано им в прошлом и, то, что будет иметь ценность в будущем.

Литература

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. М., Мысль, 1991.
2. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. М., Смысл, 2008.
3. Муздыбаев К. Измерение надежды // Психол. журн. 1999. №4. С. 26–35.
4. Немировский В. Г. История социологии. Учебное пособие. Гриф УМО — / В. Г. Немировский, М.: Изд-во «ВЛАДОС», 2005. — 256 с.
5. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / Под ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2004. — 608 с.

6. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
7. Фресс П. Восприятие и оценка времени // Экспериментальная психология, М., 1978, Выпуск 6, с. 88–135
8. Frank L. K. Time perspective / L. K. Frank // J. of Philosophy. — 1939. — Vol.4. — P. 293–312.

Н. М. Гринникова

аспирант, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,
кафедра загальної психології та психології розвитку особистості

РЕТРОСПЕКТИВНИЙ АНАЛІЗ ПОНЯТТЯ ЧАСОВА ПЕРСПЕКТИВА В ПСИХОЛОГІЇ

Резюме

У статті розглядається поняття «часова перспектива» з позиції зарубіжних і вітчизняних учених. Аналізу піддані існуючі інтерпретації тимчасової перспективи і представлені відмінності в смисловому наповненні цього поняття.

Ключові слова: часова перспектива, образ потрібного майбутнього, антиципація.

N. M. Grinnikova

I. I. Mechnikov, Odessa national university
department general psychologists and psychologists of development of personality

RETROSPECTIVE ANALYSIS OF CONCEPT TEMPORAL PROSPECT IN PSYCHOLOGY

Summary

In the article a concept «Temporal prospect» is examined from position of foreign and domestic scientists. Existent interpretations of temporal prospect are exposed to the analysis and distinctions are presented in the semantic filling of this concept.

Key words: temporal prospect, appearance of the required future, anticipaciya.